

А.Л. Елсакова

Новосибирский государственный университет

**О древнегерманских концептах 'богатство', 'деньги'
в свете индоевропейских представлений**

Аннотация: Статья посвящена изучению древнегерманских концептов «богатство» и «деньги» на основе анализа двуслойной структуры сложного концепта.

This article deals with basic concepts of Indo-Europeans: «wealth and money». The conceptual analysis reveals two-layered structure of the complex concept. The money is not a symbol of wealth but a unit of exchange.

Ключевые слова: концепт, древнегерманские концепты «богатство» и «деньги», символ.

Предметом исследования в настоящей статье является древнегерманская концептуализация 'богатство, деньги' в свете представлений и индоевропейской культуры о стоимости. Выбор данных концептов позволяет отразить особенности употребления экономической лексики непосредственно в текстах и исследовать ее генезис.

Первый вопрос, который мы задаем, – почему в современном английском *money* 'деньги' ассоциируются с неисчисляемыми сущностями? С чем это связано?

Для ответа на этот вопрос целесообразно обратиться к истории и проанализировать примеры и их значения, какое из значений – «личное движимое имущество» или «скот, овца» актуализируется в и.-е. корне **peku* как первичное.

В «Словаре индоевропейских социальных терминов» Э. Бенвенист отходит от традиционного понимания значения **peku* «скот», или в узком значении «овца», как от его первого значения и показывает, что первоначально данный термин означал «движимое имущество», и лишь только позднее получил возможность конкретизироваться в некоторых языках и стал обозначать «скот», «мелкий скот», «овца». Согласно Э. Бенвенисту, концепт **peku* в своем изначальном толковании имел значение «стоимость, богатство», а потом стал обозначать «скот» как вид богатства. Так, древнегерманский коррелят – др.-англ. *feoh*, преимущественно относился к богатству, благополучию.

Можно проиллюстрировать на примерах композитов, в которых *feoh* несет значение «богатство, сокровище, дар». Изредка можно встретить композит с *feoh* со значением «скот», традиционно приводимым первым в словарях: *feoh-ern* a money-place, treasury – сокровищница; *feoh-gesteald* possession of riches – владение богатством; *feoh-gestreon* treasure, riches – сокровище, богатство; *feoh-gift* a money-gift – денежный подарок; *feoh-hof* a treasury – сокровищница; *feoh-strang* money-strong, possessing cattle or money – имеющий деньги, владеющий скотом или деньгами, но только *Feoh bútan gewitte* the cattle without understanding – скот без сознания *Salm. Kmbl. 46; Sal. 23*. [A dictionary of the Anglo-Saxon language, 1838, p. 277].

В древнеанглийском памятнике «Легенда святого Юлианы», «The Legend of St. Juliana», мы находим пример др.-англ. *feoh* в значении «богатство»: «To þam

frum-gare **feoh-gestealde** witedra wenan, þæt hy in win-sele, ofer beor-sele, beagas begon, æpplede gold». [Codex Exoniensis. A collection of Anglo-Saxon Poetry, 1842, p. 283]. «Не вся банда хулиганов достигла земли. Многие лишились жизнью на пути к ней, оставив их в той глубине, бездне. От вождя их ожидали обещанные денежные дары, вознаграждения и кольца золотые». В данном примере *feoh* переводим как «денежный», *feoh-gestealde* – «денежные дары».

Можно сказать, изначально др.-англ. *feoh* использовался по отношению к богатству вообще или движимому имуществу, и лишь изредка, во втором значении это слово стало употребляться по отношению к такой форме движимой собственности, как скот. Значение «деньги» являются вторичным, производным концепта 'богатство'.

Одним из аргументов в пользу данной гипотезы служит рунический алфавит (старший футарк). Одной из семантических сфер рунического алфавита является название «скота, имущества»: [f] *fe* **faihu* «скот, движимое имущество», др.-англ. *fe*, *fech*, *feoh*; [o] *utal*, **oþal* «наследственное имущество», др.-англ. *oþal*, *eþel* «*homestead, fatherland, one's own residence or property, inheritance, country, realm, land, dwelling, home*, «наследуемое имущество» [Степанов, Проскурин, 1993, с. 57]. Понятия «движимое» и «недвижимое» имущество являются основанием рассматривания ряда как цикла. Руны № 1 и № 24 синонимизируются в их хозяйственном, экономическом, а, следовательно, и в «стоимостном» значении: первая символизирует «движимое имущество» – деньги, скот, богатство, а последняя – «недвижимое (или наследуемое) имущество» [Там же, с. 85].

Англосаксонская «Руническая поэма» представляет собой наиболее полную запись имен рун. Англосаксонская руна *feoh* «богатство» совпадает в значении с древненорвежским и древнеисландским вариантами формы, а также с гот. *fe* – все они восходят к общегерманской форме **fehu* «движимое имущество». Экономический смысл первой руны у англосаксов далее, далее в ряде, расширяется за счет импликации конкретного числа предметов, служивших для обмена; «скот, деньги». Христианизация англосаксов вызывает трансформации ориентиров этноса. «Движимое имущество», «богатство» в тексте «Рунические поэмы» оценивается с позиции христианской морали; «Богатство – удовольствие для каждого человека; каждый человек должен много им делиться, если он желает перед Богом славу снискать» [Проскурин, 2005, с. 209].

В индоевропейских языках эти смыслы часто находят парное оформление, как, например, в англ. *goods and chattels*. По данным К. Уоткинса, фраза *goods and chattels* – формула, имеющая фиксированный порядок слов и ограниченная в употреблении и дистрибуции. «Она является переводом на английский англо-латинского юридического оборота, обозначающего недвижимое и движимое имущество, *bonorum aliorum sive cattalorum* в законах XI столетия Эдварда Исповедника» [Watkins, 1995, с. 9]. Заметим, что формула представляет собой меризм, т.е. двухчастную структуру, которая имеет отношение к всеобщности единого, более высокого концепта, именуя все богатство. Культурная тема формулы имеет индоевропейский исток и обосновывает высокую вероятность индоевропейского происхождения концептуальной схемы футарка.

Таким образом, можно констатировать, что в основе циклического построения древнегерманского рунического ряда лежит идея богатства и собственности, а руны № 1 и № 24 являются парными смыслами, материализующими идею «все имущество» [см.: Степанов, Проскурин, 1993]. На брактеате из Вадстены рунические знаки записывались по кругу: первый знак соседствовал с последним, замыкая перечень в цикл.

Мы разделяем традиционное мнение о неслучайности семантического поля «имущество» [Krause, 1970, p. 30] в футарке. Биномная природа концепта футарка, реализуемая через более высокий концепт «все имущество, богатство» позволяет объяснить происхождение рунического алфавита в концептуальном плане.

Сам рунический ряд мыслится как сокровищница германских народов, некая модель древнегерманского мира.

Концепты «богатство» и «стоимость» объемны по своему содержанию. Любопытно, что в индоевропейском первичен абстрактный смысл стоимость **peku*, а конкретизации концепта эволюционируют в языковом плане по шкале «скот» – «вид скота (овца)» и, наконец, «деньги».

Возможность появления концепта ‘деньги’ связана в культуре со счетом. Одной из его составляющих является выбор единицы меры и счета, т.е. счет и задает условие появления денежного знака.

В футарке именно концепт ‘движимого имущества’ задает условие «единицы, единичного» как меры счета и стоимости материальных предметов, при этом идея счета связывается не с понятием «числа» или «места в натуральном ряду чисел», а, вероятно, с понятием «материальной стоимости предмета» [Степанов, Проскурин, 1993, с. 85].

Магистральное открытие в этой части нашего рассуждения таково: само понятие «богатство, стоимость» может служить источником номинаций «денег», в то время как единицы измерения стоимости и богатства не порождают концепт ‘стоимость’ как таковой. И это принципиально важно. Все английские слова, обозначающие денежные единицы, такие как *sceat, shilling, pound, penny, mancus, marc*, не имеют значения богатства, они лишь являются денежными эквивалентами стоимости, благосостояния, богатства; единицами стоимости материальных предметов. Отсюда неисчисляемый характер современного *money*, поскольку базой концепта служит ‘богатство’ вообще, а не его составляющие.

Двуслойность концепта стоимость предопределяет два уровня ‘богатства’: стоимость и единица стоимости.

Золото и серебро являлись воплощением богатства и представляли собой форму ‘денег’. Исследование же контекстов с названием золота показало, что др.-англ. *gold* также используется в двух слоях. ‘Золото’ предстает как штучная, так и концептуальная сущность, как символ ‘богатства’. Золото является материальным символом ‘богатства’, которое рассматривается в индоевропейских языках как некоторое целое, делящееся на части, а не как вид, воплощающийся в различных конкретных проявлениях. Но как показали наши контексты и единицей ‘богатства’ в том числе. Отсюда двуслойность концептуального ряда ‘богатство’, ‘стоимость’ (абстрактное) – единицы стоимости, ‘деньги’ (конкретное) на примере металла, золота.

В отличие от концепта ‘деньги’, ‘золото’ как концепт присутствует на двух уровнях: и как абстрактный символ и как единица стоимости. Что же касается ‘денег’, то их исчисление производится на верхнем, определяющем слое целого, а сами ‘деньги’ являются лишь одним из видов, проявлений ‘богатства’, наряду со скотом, овцой и др. материальными метками индоевропейских народов. ‘Деньги’ самостоятельно не являются символом, воплощением ‘богатства’.

Литература

- Проскурин С.Г. Семиотика индоевропейской культуры. Новосибирск, 2005.
Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М., 1993.
A dictionary of the Anglo-Saxon language, by the Rev. Bosworth. L., 1838.
Codex Exoniensis. A collection of Anglo-Saxon Poetry by Benjamin Thorpe, Krause V. Runen. Gottingen, 1970.
Watkins K. How to kill a dragon. Indo-European poetics. Oxford, 1995.